

РАЗДЕЛ III

Толерантность и перспективы развития общества

*Кандидат философских наук,
доцент Башкирского госуниверситета
О. А. Алексеев
Уфа*

КОНФЛИКТ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В РОССИЙСКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ САМОСОЗНАНИИ

Исследования особенностей протекания конфликтных процессов в исторических, национальных, политических условиях отдельных стран приводят к выводу о тесной зависимости характера социальной конфликтности и меры толерантности в данном обществе от культурного наследия, исторического опыта и сложившихся традиций народа. (См., например: Эйзенштадт. Революция и преобразование общества: сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект-пресс, 1999). В этой связи уместно говорить о характере российской конфликтности и толерантности вообще, об особенностях восприятия и переживания длительной конфликтной ситуации нашим «постсоветским» человеком, о специфике его поведения, в частности.

В России исторически не сформировалась традиция длительного пребывания в состоянии открытого, свободного конфликта, порождающего отношение к нему как к социальной норме. Для нее характерно неизменное подавление конфликтов со стороны сильного государства, долготерпение и покорность в сочетании с постоянной готовностью к бунту. Видимо, прав Бердяев в своей оценке: «Русский народ есть в высшей степени поляризованный народ, он есть совмещение противоположностей» (Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 78).

В Западной Европе и других странах, где история приучила людей жить в непрерывном конфликте друг с другом, у личности европейского типа сформировались устойчивые черты индивидуализма в качестве реакции на необходимость

сохранить себя в постоянном поле конфликтности. «Теснота» социального пространства в Западной Европе еще в средневековье обусловила установление баланса конфликтующих сил, то и дело нарушаемого вследствие их перегруппировки. Постепенно формировались идеи толерантности, плюрализма, социальной свободы и прав человека как базовые принципы урегулирования общественных отношений. Внутреннее социальное напряжение разрешалось совершенствованием договорных отношений, рационализацией и формализацией социальных связей. Можно с уверенностью констатировать, что с XII – XIII вв. Европа встала на путь формирования гражданских обществ; мучительный путь, отмеченный коллизиями, большой кровью, попятными движениями, но кропотливо преодолеваемый. Обратной стороной ценностей индивидуализма (личной свободы, индивидуальной ответственности за самого себя и свою судьбу и т. п.) выступают готовность и умение договариваться. Отсюда, на наш взгляд, глубокие исторические традиции улаживания и урегулирования конфликтов, формирование соответствующих институтов гражданского общества.

С точки зрения европейского («западного») человека, которому, пожалуй, в большей степени присуща практичность, рациональность действия, российский человек поступает неадекватно, иррациональным образом. Он стремится до последнего уклониться от назревшего конфликта, а когда уклонение невозможно, без оглядки бросается в конфликт, не считаясь ни с чем.

«Русский бунт» – нечто существенно иное, чем «западный» конфликт. Конфликт предполагает некую рациональность поведения противоборствующих сторон, соблюдение «правил борьбы», возможность вариантов исхода, в том числе выработку оптимальной стратегии на переговорах. В бунте доминирует иррациональное, момент стихийной свободы отрицания. Бунт направляет не образ «желаемого будущего», а «нежелаемое настоящее». Бунтарями движут не столько представления о конечных целях и идеалах, сколько неприятие существующего порядка вещей. Лишь позже их действия и поступки получают оправдательные мотивировки, когда «дубина народного гнева» устала и, уставши, ужаснулась

содеянному. «Избави Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Одного корня с российской конфликтностью («бунташностью») и то, что мы можем интерпретировать как «толерантность». Для российской «толерантности» трудно подобрать языковой аналог, дать однозначное определение. Она есть нечто совершенно иное, нежели «западное», «мещанское» – «терпимость к другому», с точки зрения нашего человека, лишенное любви и искреннего сострадания. Наша «толерантность» обусловлена стремлением к «слиянию» (синтезу), соборности, органической целостности. Ее источник – чувственное начало, «вселенская любовь». В этом ее благо и зло.

Особенности российской толерантности могут быть описаны сочетанием таких противоречивых черт, как: широкая этническая терпимость в соединении с резким отторжением «неправильных» религий и идеологий; покровительственное отношение к другим этносам; формирование связей между людьми не на основе формальных законов, а на основе силы соглашений («соборности») и традиций; противопоставления закона и справедливости («правды»). Можно согласиться с тем, что российская «толерантность» основана, прежде всего, на «нравственно-понимающем сопереживании». (См.: Петрицкий В. А. Толерантность как принцип нравственной культуры общения // Проблемы нравственной культуры общения. Вильнюс, 1986. С. 264 – 267).

«Западная» толерантность – это рационально осознанная необходимость терпимости к «другому», в основе которой отчуждение и объективирование. Суть ее – формальное отношение к другому субъекту (возможному деловому партнеру), оцениваемому как неизбежное, но полезное «зло». «Западная» толерантность – это остывшая ярость чувств, тлеющий конфликт, «улыбка сквозь зубы».

В России исторически не сформировались рациональный тип толерантности, уважение к «правам личности» и «праву частной собственности» со стороны как власти, так и народа. «Демократия», «свобода», «рынок» имеют у нас совсем иное содержание, нежели в других странах. Дефицит рациональности сознания и действия едва ли не основная причина многих

социальных инверсий, происшедших с Россией. В стране, где не было длительного развития элементов личных свобод и правового государства, невозможно в исторически короткое время создать гражданское общество взаимответственных, толерантных субъектов.

*Кандидат философских наук,
преподаватель
Восточно-Сибирского Института МВД РФ
А. И. Бобков
Иркутск*

ПРИНЦИПЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ Л. Н. ГУМИЛЕВА КАК ОСНОВА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПОЛИСУБЪЕКТНОСТИ

Выдающийся русский историк и этнолог Л. Н. Гумилев в ходе анализа истории межэтнических взаимодействий выявил ряд очень важных, на наш взгляд, принципов этих взаимодействий, позволяющих во многом по-иному взглянуть на проблему толерантности и полисубъектности.

Одним из таких принципов, на мой взгляд, в первую очередь необходимо считать принцип понимания этноса в качестве главного действующего субъекта социокультурного развития. На наш взгляд, сегодняшние упражнения по замене термина «этнос», «народ» на «нация» во многом связаны с деэтизацией социальных взаимодействий. Последствия такой подмены категорий, раскрывающих сущность социокультурного поля взаимодействий, по нашему мнению, не способствуют реальному укреплению толерантности и полисубъектности в российском обществе. Причину стремления к такой подмене, как нам кажется, необходимо искать в торжестве политического и экономического аспектов, как основных в оценке состояния социальных систем. Политическая и экономическая элиты, сделавшие капиталы на деэтизации этих сфер жизнедеятельности общества, стремятся к тому, чтобы эта деэтизация как можно дольше сохранялась, ибо в рамках другой этической системы им придется уступить место иным элитам, если следовать закономерности